

по следам громких дел

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке - гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад

ЧАСЫ, ИДУЩИЕ НАЗАД

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*
Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Часы, идущие назад : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Следствие ведет профессионал. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-095111-6

Загадочное и страшное убийство фотографа Нилова приводит криминального обозревателя Пресс-центра ГУВД Московской области Екатерину Петровскую в городок Горьевск. В начале XX века в местной достопримечательности — башне с часами — была найдена повешенной единственная наследница и дочь фабриканта Шубникова Агля. В этот момент часы на башне пошли вспять, после чего навсегда остановились. С тех пор в Горьевске существует поверье, что дух башни требует ритуальных жертв — и за это исполняет заветные желания. Век спустя странные убийства возобновились. И на глазах испуганных горожан, а также прибывших на место преступления полковника Гущина, Екатерины Петровской и всей следственной группы стрелки башенных часов ожили и сделали несколько кругов назад...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095111-6

© Степанова Т. Ю., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Об остальных и горевать не стоит? Они нужны вам не больше пряжки, которая оторвалась от вашей туфельки в раннем детстве? Мы — путники, которые должны удерживать весь свой скарб в руках. Выроним — подберут те, кто идет следом... Наш путь долог, а жизнь коротка. И на этой дороге накапливается весь скарб человечества. Ничто не пропадает бесследно.

Том Стоппард «Аркадия»

Глава 1

СТРЕЛКИ И ЦИФЕРБЛАТ. ЛОГОВО

Тихо и сыро. Предрасветная мгла. Жемчужный свет летних сумерек. Диск луны — над речкой. Над башней.

Луна выглядит плохо. Луна похожа на лик после долгой изнурительной болезни или безумия, прижатый к толстому оконному стеклу *с той, другой стороны*.

Луна пялится сверху и не отражается в реке. Мглистая дымка июня одеялом укутывает чахлую речку и берега, заросшие кустарником и осокой.

Острый шпиль башни черен на фоне больной безумной луны. Тусклые блики лунного света — словно потеки светящейся краски на белом круге циферблата башенных часов.

Черные стрелки часов похожи на ножницы.

Сколько времени до рассвета?

Нисколько.

Часы на башне не знают. Они молчат так давно, что разучились считать минуты и мгновения.

Громада высокой квадратной башни, увенчанной шпилем, заслоняет небо. На фоне приземистых кирпичных фабричных корпусов башня с часами смотрится органично и монолитно.

Но с берега реки, на фоне вяло текущей воды, башня с часами выглядит как чужеродный предмет. Как древний замок — заброшенный с начала времен, где хозяйничают лишь ночные тени, старые грехи, кровавые грезы, могильная тишина и неисполненные желания.

Тысячи тысяч теней, детей ночи, иллюзий, кошмаров, обещаний, надежд.

Тысячи тысяч всхлипов, криков... Содранные до крови о железную решетку пальцы... Остатки яда в кофейной чашке саксонского фарфора, следы рвоты... Кровь на белом пикейном покрывале девичьей постели... Кровь на персидском ковре, ошметки плоти, вырванной из трепещущего тела...

Никакой ремонт, никакая перепланировка помещений, никакие новые пластиковые окна не могут изгнать то, что помнят кирпичные стены башни.

То, что не знают точно, но о чем догадываются мертвые стрелки.

У мертвецов — сложности с теорией относительности.

Категории *времени* — в избытке. А вот категория *пространства* ограничена могилой на городском кладбище, такой старой, что и сам след ее потерян.

В городе поговаривают, что в лунные летние ночи... такие как эта... и в зимние вьюжные ночи, и в осенние безлунные ночи, насквозь пропитанные северным ветром, башня с часами становится убежищем... *логовом* для мертвецов.

Слышите?

Разве вы не слышали? Вот сейчас...

Что это было?

Кваканье лягушек в реке? Многоголосый хор озерных лягушек, мечущих икру в юной изумрудной ряске?

Прислушайтесь...

Это голоса не реки.

Это на башне — там, наверху, под часами, где часовой механизм.

Хрип...

Кто-то глухо хрипит, словно не может вздохнуть.

Лунный свет косо льется в пластиковое окно.

В лунном свете на фоне кирпичной стены пляшет тень.

Дикая пляска — пятно на стене дергается, мечется, дрожит.

Потом судорожная пляска постепенно сходит на нет.

На каменном полу валяются окровавленные предметы. Их впоследствии будет пристально, весьма дотошно изучать местная полиция.

А если взглянуть вверх, на высокий потолок, можно увидеть чрево башенных часов — старый часовой механизм. Зубчатые колеса, валики, медные трубы...

На медной трубе в петле висит тело.

Пляска смерти окончилась. Лишь ноги висельника как-то странно дрожат. Внезапно по телу проходит сильная судорога, и оно выгибается так, что позвоночник чуть не переламывается пополам. Голые ноги сгибаются в коленях. Подол платья обнажает ляжки. Ноги по-паучьи вздергиваются, сушат в последней агонии.

А тело в петле начинает раскачиваться, вращаться, вращаться, вращаться, вращаться.

Мертвец всем своим весом в петле давит на металлический поршень, как будто пытается привести его в действие и завести механизм башенных часов.

Но зубчатые колеса, шестеренки, поршни и валики не подчиняются мертвому телу.

Механизм не включается. Часы на башне не возобновляют свой ход.

Мертвец в петле все еще раскачивается, как маятник.

А луна медленно тает, растворяясь в утренних сумерках.

По пустынной улице мимо фабричных корпусов проезжает оранжевая машина городских коммунальных служб. Ее черные щетки тихонько щекочут разбитый асфальт проезжей части.

Кроме урчания мотора в предрассветной мгле — больше никаких звуков. Лягушки в реке молчат. Их что-то сильно напугало.

Глава 2

ДОМ У РЕКИ

— Молодой. Жить бы да жить парню.

Это сказал полковник полиции Федор Матвеевич Гушин, стоя над трупом. Катя — Екатерина Петровская, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, не произнесла ни слова. Она вообще решила пока помалкивать, потому что происходящее ей совершенно не нравилось.

А дом, где нашли тело, вообще пугал. Что было странно, ведь с виду это была обычная заброшенная провинциальная развалюха — старинный кирпичный особняк с мезонином и тремя пузатыми ампириными колоннами на входе.

— Голову разmozжили в лепешку. Это с какой силой надо было бить. — Полковник Гушин, кряхтя, наклонился.

— Не один удар — минимум два. Били, добивали. — Патологоанатом из межрайонного бюро экспертиз — женщина средних лет, незнакомая Кате, — работала в паре с местным экспертом-криминалистом.

— Крови много. — Полковник Гушин хмуро заглядывал в лицо трупа.

Черная лужа крови растеклась из-под тела по полу, представлявшему собой свалку из щебенки, битого кирпича, мусора и темных деревянных плашек — остатков наборного дубового паркета. В луже крови валялись два увесистых кирпича и какой-то металлический предмет.

Катя разглядывала железку с содроганием. Что-то вроде «кочерги» — часть арматуры с прилипшими к ней темными волосами и мелкими осколками черепной кости.

Эксперт-криминалист начал делать снимки, патологоанатом сама брала образцы с ран на голове. Помощь ей оказывал местный сотрудник розыска. Они молча возились над телом, как стая падальщиков в саванне.

Полковник Гушин повернулся к трупу спиной и медленно пересек помещение, взгляд его скользил по облупленным стенам. Под подошвами новых щегольских ботинок Гушина хрустел щебень. Катя двинулась за ним. Сразу же нога ее попала в выбоину в полу и почти по щиколотку утонула в сгнившем мусоре. Катя вздрогнула от отвращения. Вязкое вонючее месиво пружинило и одновременно засасывало — кажется, еще миг — и провалишься куда-то вниз, в темный подвал.

— Что это за развалины? — спросил Гушин, вроде бы ни к кому не обращаясь.

Ответил ему один из местных полицейских, стоявший у двери и хмуро изучавший «вид с трупом» издалека:

— Дом у реки.

— Чей дом? — уточнил Гушин.

— Сейчас ничей. Памятник городской архитектуры.
— Это памятник?! — Полковник Гушин обзрел стены и потолок.

Катя тоже огляделась. В потолке зияли дыры. Выщербленные стены были исписаны граффити, исчерканы углем, заляпаны чем-то подозрительно похожим на окаменелые экскременты. Дом представлял собой анфиладу комнат. В большинстве из них двери были сорваны с петель и отсутствовали. И лишь в этой, центральной комнате дома, где лежало тело, дверь все еще сохранилась. Местный полицейский постучал по ней костяшками пальцев — тук, тук.

— Памятник истории города Горьевска, Дом у реки, — повторил он. — Сломать нельзя, он в списках Архнадзора. Перестроить и надстроить тоже нельзя. Инфраструктуры никакой давно не осталось — ни водопровода, ни канализации. На отшибе расположен. Трижды на аукцион выставляли для продажи и реставрации. Никто не хочет вкладываться. Он всегда стоял заколоченным и пустым. Я еще пацаном здесь по улицам гайкал, и Дом у реки уже тогда пустовал.

Катя глянула на говорившего — почти ровесник Гущина, за пятьдесят. В штатском, не в форме. Брюхо пивное переваливается через ремень, и амбре за километр.

Выходной сегодня, суббота. Понятно, что выдернули толстяка на убийство прямо из дома, может, даже из-за обеденного стола. Но ощущать пивной дух в месте, где лежит окоченевший труп с разможенной в лепешку башкой, — это чересчур. От этого не просто коробит, это вызывает ярость.

Данная деталь была лишь одной в череде весьма странных обстоятельств, открывшихся Кате в городе Горьевске почти сразу, едва машина полковника Гущина остановилась у Дома у реки.

И не собиралась Катя ни на какое убийство! Да, в эту субботу пришлось поработать, но ехала Катя не в Горьевск, а в тихие Озеры, где в уютном лесном отеле собралась на подведение итогов Ассоциация частных детективов Подмосковья. Катю как своего криминального обозревателя пресс-центр ГУВД отрядил освещать это событие — среди членов ассоциации было немало недавних полицейских из области. И связи

всегда сохранялись. Полковник Гушин ехал на совещание как лицо официальное, представитель Главка. И Катя тут же, естественно, прилипла к нему, как рыба-прилипала к киту — не пилить же в такую даль, в Озеры, на своей машине, если можно с комфортом расположиться на заднем сиденье служебного внедорожника шефа криминальной полиции Подмосковья.

Ну, в общем, все как обычно. В лучших традициях совместной плодотворной работы, когда она как криминальный репортер путалась под ногами хмурого, хрипатого, лысого, часто нелюбезного полковника Гушина.

На слет детективов полковник Гушин нарядился, как на свадьбу. Надел свой лучший черный костюм, яркий галстук, до блеска начищенные дорогие ботинки. Кроме парадного прикида, он вез с собой также теплую куртку и туго набитую спортивную сумку. Посиделки ассоциации планировалось продолжать все выходные: в субботу — доклад и перевыборы руководства, а в воскресенье — отдых на природе, рыбалка, банкет.

Катя подозревала, что Гушин, кроме официальной части и рыбалки, хочет навести в ассоциации личные мосты. Какая рыбалка в конце октября?! В Главке давно говорили, что Гушин вот уже который год собирается на пенсию. Возможно, он хотел понаблюдать жизнь частных детективов в неформальной обстановке, встретиться с «зубрами», потолковать о перспективах организации своего собственного частного агентства после отставки.

Но все эти планы канули в небытие.

Гушин сидел за столом президиума в конференц-холле отеля, когда у него в кармане пиджака завибрировал мобильный. Он тогда не ответил. Но сигнал повторился снова, и он, извинившись, достал телефон. Глянул на дисплей. И сразу же встал и направился к выходу.

По его лицу Катя, отчаянно скучавшая на этом токовище, поняла: что-то случилось.

И моментально тоже выскользнула из зала.

Гушин в холле отеля у кого-то уточнял по телефону:

— Точно убийство?

Потом лицо его перекосилось так, словно он хлебнул чего-то кислого и отвратного.

— Ну, это же Горьевск, — молвил он загробно. — Ладно, ждите, я тут неподалеку. Выезжаю лично.

Катя покрепче ухватила свою сумку и помчалась на стоянку отеля, к гушинскому джипу. Встретила полковника уже там, молча, преданно пялясь в глаза.

— И я, я, я с вами тоже, Федор Матвеевич!

— А твоя статья про этих хмырей как же? — спросил Гушин, кивая на отель, где продолжался глухариный ток частных детективов Подмосковья.

— А, там все уже ясно. Я сочиню некролог.

— Ловкачка.

— Я хочу с вами, Федор Матвеевич! Это намного интереснее. Там убийство, да? А кого убили? В Горьевске, да? А где это? И потом, мы же вернемся сюда, в Озеры, вечером. И завтра здесь целый день.

Гушин ничего не ответил. Кате показалось — в тот момент он ее даже не услышал.

Вот так Катя и оказалась в подмосковном городе Горьевске вместо ведомственного уик-энда с банкетом и отдыхом в загородном отеле.

Горьевск... Нет, не от слова «горы» название городка. А от слова «горе». Почему-то в Главке над городом Горьевском всегда измывались — ну, типа «Если смешать Рязань с Москвой». Или даже хуже: «Какого свекольного хрена мешать Рязань с Москвой». Или уж совсем гадкое, нетолерантное, стебное: «Туалеты на этажах на ключ закрывайте, а то как понаедут из Горьевска и Луховиц, не то что ручек дверных — унитафов недосчитаешься».

Это все лживые сказки для обывателей-простецов, что полиция нынешняя, как встарь, единый, сплоченный ведомственный организм. Все печали и конфликты нашего времени, вся злость, весь стеб социальных сетей, насмешек, оскорблений, презрительных прозвищ — «нищоброды», «лохи», «деревенщина», «быдло», «понаехавшие» — словно чума, проникают и в полицейскую среду. И на этом фоне всеобщего презрения всех ко всем и тотальной озлобленной травли по любому, самому пустяковому бытовому вопросу особенно отчего-то в Главке доставалось несчастным Луховицам и Горьевску.

Луховицы, бедные, вообще никого никогда не трогали, жили себе, были. А Горьевск...

Возможно, что-то было не так с самим этим подмосковным городком. Что-то неладно.

Но до поры до времени Катя прояснить это для себя не могла.

Одно ее сразу же поразило при осмотре места убийства: в Доме у реки был лишь полковник Гушин да горстка — вялая и какая-то неадекватная — местных полицейских. И приезжий патологоанатом. И никого из местного руководства — ни из ОВД, ни прокурора. Следователь, правда, дежурный нарисовался — стажер лет двадцати двух. Он тыкался, как глупый шенок, ко всем, а его все игнорировали.

Это настолько было не похоже на обычную, привычную для Кати, четкую и слаженную работу на месте такого серьезного происшествия, что она лишь диву давалась.

— Дверь входную видели, Федор Матвеевич? — обратился к Гушину пузатый полицейский «под мухой». — Вроде как следы взлома.

Гушин через анфиладу комнат зашагал к входной двери. Он оглядывал толстые стены заброшенного здания. Пару раз подходил почти вплотную к стене. Трогал осыпавшуюся штукатурку, выбоины. Растирал крошку кирпича и штукатурку в пальцах, даже нюхал.

Они вышли на крыльцо. Уже смеркалось. В быстро накапывающих на Горьевск осенних промозглых сумерках Катя видела полицейские машины с мигалками, берег реки, заросший высохшим ковылем, что-то вроде мусорной свалки.

Слева во мгле мерцали огни городских кварталов. Узкая речка плескалась в десяти шагах от ступеней разбитого крыльца. Справа вдалеке выстроились старые кирпичные фабричные корпуса. Над ними небо выглядело темным, почти по-ночному черным. И на фоне мрака что-то возвышалось, устремляясь к тучам. Что-то большее, нелепое и громоздкое.

Но дверь Дома у реки выглядела новой и... действительно взломанной. Дешевая филенчатая дверь, приткнутая к старинной, источенной жучком дубовой дверной раме. На филенках четко выделялись следы ударов. На дверном косяке —

свежие ссадины. Дверь пытались отжать. На битом кирпиче валялся сорванный дешевый дверной замок. Подошедший эксперт-криминалист поднял его и аккуратно убрал в пластиковый пакет.

Возле крыльца — прислоненный к стене мужской велосипед, весьма дорогая модель. На ступеньках — монтировка. Эксперт и ее поднял, начал упаковывать как вещдок.

— Дверь взломали. Парня убили, — сказал полковник Гушин. — Велосипед потерпевшего?

— Там, в комнате, еще и сумка, а в ней тоже разный инструмент, — сообщил полицейский «под мухой».

— У парня забрали мобильный, — Гушин, сопя, осматривал следы взлома на двери. — Ограбление?

Его собеседник пожал плечами.

— Портмоне в заднем кармане брюк, — Гушин сказал это сам себе.

И снова направился через анфиладу в комнату, где в луже крови лежало тело.

— Давность смерти? — спросил он эксперта.

— Не менее двадцати часов. Его убили здесь, в доме, в этом самом помещении — в этом нет сомнений. И произошло это ночью, часа в два или в половине третьего, — подала голос патологоанатом. — Вскрытие я проведу завтра, но уже сейчас можно сказать, что причина смерти — черепно-мозговая травма.

— Лицо не изуродовано? — спросил Гушин.

— Смотрите сами, — патологоанатом и эксперт начали осторожно поворачивать тело набок.

Катя ощутила спазм в желудке. Лицо убитого было густо вымазано кровью. Кровь налипла на щеки, вокруг рта образовалась спекшаяся черная кайма, словно мертвец в последней агонии пил собственную кровь, вытекшую из его проломленного черепа.

Однако черты лица от увечий не пострадали. Убитый был действительно молодым — лет двадцати семи. Тощий короткостриженный брюнет невысокого роста и с маленькими, почти женскими ступнями и кистями рук. Он был одет в зеленую толстовку, серые джинсы и поношенные, но очень